Дырчатая Луна

Автор:
Владислав Крапивин

Дырчатая Луна

Владислав Петрович Крапивин

Сказки и были Безлюдных пространств

Это первая книга из цикла, рассказывающего о жизни Безлюдных пространств. Впрочем, пространства эти вовсе не безлюдны. Но они пускают к себе только тех, кто не хочет людям зла… Здесь немало тайн и очень подходящие места для приключений. Но приключения порой вырываются из-под власти пространств и становятся страшными и угрожающими жизни героев…

Владислав Крапивин

Дырчатая Луна

Первая часть

Бухта, о которой никто не знает

Желтая нитка

Четвертому «А» повезло. Почему-то не пришел учитель физкультуры, и два последних урока отменили.

Народ весело загалдел и помчался из школы: кто домой, кто на пляж. Первые дни сентября в здешних местах – это еще полное лето. Море сияло спокойной синевой, желтые древние камни пахли жарко и сухо.

Гайка Малютина пошла от школы одна. Здешних ребят она пока знала плохо и не то чтобы стеснялась, а не хотела показаться слишком приставучей.

От крыльца вела густая каштановая аллея. Поглядывая перед собой, Гайка шагала по ракушечным плитам, заляпанным круглыми солнечными пятнами. На плитах валялась колючая кожура каштанов. Здесь было еще прохладно, а впереди, где аллея кончалась, полыхал белый солнечный жар. Гайка уже не первый раз позавидовала мальчишкам: их не заставляют ходить в школьных костюмах. А девочкам сказали: «Вам полагается носить форменные платья и фартучки». Многие, правда, не слушались и приходили в школу кто в чем, но Гайка была новенькая. Мама говорила, что новеньким нельзя так сразу нарушать правила.

Солнечный жар был все ближе. Аллея выводила на бугристые пустыри, которые заросли серой полынью, сурепкой и грудами непролазного дрока. По пустырям ветвисто разбегались тропинки, они вели к береговым обрывам.

Поскольку на Гайку свалились полтора часа свободного времени, она решила погулять по берегу. Несмотря на жару. Здешние места были ей почти незнакомы, а незнакомое – оно всегда манит к себе.

Вообще-то Гайке запрещалось ходить к морю одной. «Потому что мало ли что», – говорила мама. Но Гайка успокоила совесть, сказав себе, что будет не одна. Вон впереди шагает в ту же сторону мальчишка. Тоже четвероклассник, только не из Гайкиного класса, а из параллельного, из «Б». Они даже чуточку знакомы. Вернее, Гайка знает его фамилию. Слышала, как ребята его окликали: «Эй, Гулькин!»

Гайка приметила Гулькина еще в первый день. Потому, что у мальчишки был странный взгляд. Столкнувшись в коридоре или на дворе, он смотрел вроде бы и прямо на тебя, и в то же время чуточку в сторону. Словно видел рядом что-то

еще – понятное и заметное только ему. В общем, с загадкой были его желтовато-серые глаза. Хотя, возможно, Гайке это просто чудилось. Фантазий-то в голове у нее хватало.

А кроме глаз, ничего загадочного в Гулькине вовсе даже не было. Самый обыкновенный. Совершенно белобрысый, но, видимо, не от природы, а от южного солнца. У многих русых мальчишек волосы здесь летом выгорают добела…

Гулькин ровно шагал, не оглядывался. Гайка – следом, но на достаточном расстоянии, чтобы казаться независимой. Потому что больно нужен ей этот Гулькин! Просто надо, чтобы в случае чего она могла сказать: «Я гуляла не одна…»

Гулькин остановился у плоского камня-песчаника. Поставил на него ранец. Стянул белую рубашку и, скомкав, спрятал в ранце. «Вот неряха, не может свернуть аккуратно…» Потом Гулькин стряхнул сандалии и тоже сунул в ранец. А белые носочки запихал в карманы на шортах неопределенно-пыльною цвета. И, не оглядываясь, пошел дальше – босой, тощий. Коричневый, как лакированная стойка этажерки. Потертый синий ранец он теперь держал за ручку и помахивал им по верхушкам полыни.

Гайка шла шагах в двадцати и смотрела Гулькину в спину. Спина была с глубоким желобком и треугольными торчащими лопатками. Они ритмично двигались. Гайка поймала себя на том, что глядит на эти лопатки чересчур пристально. Испугалась, что Гулькин ощутит ее взгляд, и начала смотреть поверх головы.

Струился нагретый воздух, в зарослях стрекотала всякая мелкая живность. Но от обрывов уже доносилось йодистое дыхание моря и смягчало жару.

Тропинка огибала полукруглое приземистое строение из треснувшего бетона. Скорее всего, разрушенный дот, который остался после давней войны. Гулькин скрылся за дотом. Гайка заспешила, чтобы не остаться одной. Тоже обогнула бетонную развалину с черной амбразурой (из которой резко дохнуло холодом). И… чуть не налетела на Гулькина.

Тот сидел на круглом пористом камне, боком к Гайке. Рядом валялся ранец, а на нем – какая-то желто-черная тряпица. Гулькин сильно согнулся и шевелил пальцами на ногах. К ногам упала Гайкина тень. Гулькин повернулся – неторопливо и без удивления. Глянул Гайке в лицо (и вроде бы чуточку в сторону). Спросил, словно у старой знакомой:

– Ты не знаешь, как он называется? – И зажатой в руке травинкой показал на один из пальцев левой ноги.

– Знаю… Палец, – отозвалась Гайка слегка озадаченно.

Гулькин терпеливо объяснил:

– Естественно, что палец. Но как именно?.. Вот – мизинец, вот, кажется, безымянный (как на руке), вот средний. Этот – большой. А этот? – И он коснутся того пальца, что был между большим и средним. – Если на руке, то указательный. А здесь? Он же тут никуда не указывает… Ну, как?

Гайка помигала:

– Н-не знаю… – Она искренне огорчилась, что не знает.

Но Гулькин не огорчился. Сказал с удовольствием:

– И я не знаю. И все, кого спрашивал, тоже не знают. Это хорошо. На нем и завяжем. – Он дотянулся до желто-черной тряпицы, выдернул из нее мохнатую нитку. Трижды обмотал ее вокруг пальца и завязал каким-то хитрым узелком.

Гайка была рада, что завязался разговор. Теперь у нее было полное право спросить:

– А зачем тебе это?

Гулькин вопросу не удивился и не сказал «какое тебе дело». Без особой охоты, но и без недовольства объяснил:

– От злого колдовства. Такая примета есть…

Гайка помолчала и сказала осторожно:

– А ты правда веришь в это?

Гулькин посмотрел на нее из-за острого шоколадного плеча:

– Отчею же не верить? На свете столько всякого… неразгаданного.

– Я знаю. Но про такую примету я не слыхала.

– Неужели ты не читала про Тома Сойера и Гека Финна?

– Читала. Ну и что?

– Там негры обматывают пальцы шерстяными нитками, чтобы ведьмы и колдуны не привязались. А если обмотать палец без названия – это еще надежнее. Ведь они это название тоже не знают, оттого и вредить сильно не смогут…

«Неужели ты думаешь, что колдуны и ведьмы по правде есть на свете?» – чуть не спросила Гайка. Но побоялась рассердить Гулькина. Проговорила неловко:

– А ты уверен, что эта нитка – шерстяная?

– Она же из флагдука! Из специальной шерстяной материи для флагов. Смотри! – Он схватил и расправил тряпицу.

Это и правда был флаг. Длиной в полметра. Желтый с черным кругом посередине.

– Сигнальный! Я такие видела!

Гулькин кивнул:

– Наверно, во время шторма с какого-нибудь судна сорвало и сюда занесло. Я его здесь в траве нашел… Дело не только в том, что он шерстяной…

– А в чем?

– Вообще… В морских флагах особая волшебная сила. Потому что их обдувают ветры всех морей и океанов.

«Какой чудак», – подумала Гайка, но без насмешки. Флажок этот едва ли когда-нибудь обдували океанские ветры. Принесло его сюда, скорее всего из ближнего яхт-клуба или с какого-нибудь рейдового катера. Но Гайка не стала спорить. Она сказала опять:

– Он из сигнального свода. Называется «Ферт» и означает букву «эф».

Гулькин глянул с интересом, но не согласился:

– Это буква «И». Называется «Индиа». Такой сигнал значит: «Я изменяю свой курс влево».

Спорить было рискованно. Однако здесь Гайка не уступила:

– Ты хоть что доказывай, но это «Ферт».

– Ты хоть как не соглашайся, но это «Индиа», – в тон ей откликнулся Гулькин. Впрочем, без ехидства, даже скучновато.

Гайка вздохнула:

– Между прочим, мой папа командир корабля. И он мне показывал сигналы. Дома у нас куча морских справочников.

Снова взглянув из-за плеча, Гулькин с расстановкой произнес:

– Мой… не командир корабля, но морские справочники у нас тоже есть. А свод сигналов у нас в классе каждый пацан и без справочников знает. Так что не спорь.

Гайку этот снисходительный тон царапнул. «Нет уж это ты не спорь», – хотела начать она, а Гулькин вдруг мигнул и сказал уже иначе, добрее:

– Постой. Твой папа военный?

– Конечно! Капитан третьего ранга.

– Тогда он, вероятно, тебе объяснял военно-морской свод! А я говорю про международный… Военный я не знаю…

– А я не знаю тот, который ты знаешь… Наверно, мы оба правильно говорим, только по-разному! – обрадовалась Гайка.

– Вот и славно, что мы оба правы, – отозвался Гулькин. Но как-то рассеянно. И сразу перестал интересоваться Гайкой. Уложил флаг в ранец. Сейчас встанет и уйдет.

– Я знаю, ты в четвертом «Б» учишься, – торопливо сказала Гайка. – А я в четвертом «А».

– Да? Отчего же я тебя не знаю?

– Потому что я только в этом году поступила… А я тебя знаю. То есть фамилию. Ты Гулькин, да?

Тень прошла по Гулькину. На лице сменилось удивление, досада, желание эту досаду сдержать и напускное равнодушие.

– Вовсе не Гулькин. Моя фамилия Носов.

– Ой… значит, я ошиблась… – Гайка со стыдом поняла, что не просто ошиблась, а допустила опасный промах. Конечно, мальчишку называли Гулькиным, но это было прозвище. И видимо, оно ему не очень нравилось. – Я… это случайно…

– Ничего, – снисходительно сказал Гулькин (то есть Носов). Поднялся и взял ранец.

– Носов – это очень замечательная фамилия, – жалобно сообщила Гайка.

– Что же в ней замечательного? Обыкновенная…

– Ну, как же! Писатель такой. Который «Приключения Незнайки» сочинил! И «Незнайку на Луне»! Читал?

– Читал, – безразлично отозвался Носов-Гулькин. – Это не самая интересная книжка про Луну, есть получше.

«Какие же?» – хотела спросить Гайка. Но Гулькин (ой, Носов!) уже явно не был настроен на разговор. Надел ранец:

– Ну, пока… – И зашагал к обрыву. Щуплый, ловкий, с желтой ниткой на пальце, у которого нет названия. Носки трепыхались у карманов, как белые крылышки. Над левым ухом торчала острая, будто сосулька, белая прядь. А вообще-то его прямые волосы падали вниз – на уши, на тонкую коричневую шею…

«Вот так и уйдет», – с печалью подумала Гайка. Носов достиг обрыва и стал как бы погружаться в землю – это он, видимо, оказался на лесенке среди скал. Исчезли ноги, потом спина и ранец. И наконец скрылась белая голова.

Гайка подумала и… тоже пошла к берегу.

Утро Гулькина

В начале сентября солнце встает в половине седьмого. Четвероклассник Носов, по прозвищу Гулькин и по имени Лесь, поднялся в то утро вместе с солнцем.

Он умылся на дворе, под рукомойником, прибитым к ракушечной стене сарая. Вода остыла за ночь. Утренний воздух тоже покалывал кожу холодком. Но это был непрочный холодок – вот подымется солнце повыше, и опять разольется привычный зной.

В сарае тяжело и ритмично стукал механизм. Лесь поднял глаза. Отражатель (похожий на маленькую спутниковую антенну) был повернут к солнцу. На черной коробочке «инкубатора» дрожал оранжевый блик. Все точно, все как полагается.

Лесь вскочил на конуру, в которой обитал старый ленивый Пират – ровесник Леся. Пират, не просыпаясь, постучал хвостом о стенки конуры. Лесь встал на цыпочки и увидел над забором солнце. Сквозь листья винограда оно светило, как золотисто-малиновая звезда. Капли на ресницах еще не высохли и разбивали пространство на радужные осколки – словно смотришь сквозь крошечные стеклянные кубики.

– Лесь! Ты уже на ногах! Даже будить не пришлось. Вот чудеса… – Это мама. Она хлопотала у садового столика с портативной газовой плиткой. – В чем причина?

Лесь не знал причины.

– Кто рано встает, тому Бог подает, – нашелся он. Это были слова бабушки, к которой он летом ездил в Белокаменку.

– Ну, тогда иди к столу. Бог подает тебе кашу… А может, ты наконец решил сделать зарядку?

Лесь проворно устроился за столом:

– Видишь, я уже умылся, а после умывания какая зарядка…

– По-моему, ты лентяй.

– Ну и пусть… А зато я послушно ем манную кашу. Все ее ненавидят, а я – без всякого отвращения.

– Ты ешь варенье с примесью манной каши… – Мама отодвинула трехлитровую темно-красную банку. – Ну вот, закапал себя, чучело! Не забудь смыть, а то рубашка прилипнет.

– Непременно… – Лесь мизинцем снял с ребристой, кофейного цвета груди вишневую каплю. Облизал палец. – Ой, мама, а рубашку-то сегодня надо белую!

И белые носочки. Потому что сегодня к нам в класс какие-то гости придут! На четвертый урок.

– Воображаю, на что будут похожи ваши рубашки к этому уроку…

– Нет, мы обещали Оксане Тарасовне сохранить на весь день парадную внешность… Оксана Тарасовна еще говорила, что хорошо бы черные галстучки. Такие… – Лесь провел рукой по груди вниз, – или такие, бабочкой. – И он чиркнул пальцами у ямки под горлом. – Но все мальчишки сказали, что это уж фигушки.

– Ну и напрасно. Могли хотя бы час или два выглядеть как приличные люди.

Лесь задумчиво поскреб подбородок:

– Думаешь, черная бабочка была бы мне к лицу?

– По крайней мере вреда не принесла бы… А вот очки точно были бы к лицу. А главное – полезны.

Лесь затуманился.

– Чего теперь говорить, раз кокнулись… Да у меня уже все выправилось!

– Не знаю, все ли. И надо ведь закрепить… Ты ужасно легкомысленный, Лесь.

– Нет, я не ужасно. В меру… Спасибо! – Он выбрался из-за стола. У рукомойника смыл с груди и подбородка следы варенья. И через минуту, уже в белой рубашке, надевал ранец. Потом умело закатал до локтей рукава.

– Надень-ка другие штаны. Эти мятые и все в пыли.

– Ну и пусть. Зато у них карманы удобные.

– Чтобы складывать все, что отыщешь на свалках.

– Ну, естественно, – согласился Лесь. – Мама, скажи Це-це, чтобы ничего не трогала у меня на столе…

– Лесь! Ты опять? Почему ты так называешь свою… почти родную тетю?!

– А как ее называть? Полное имя говорить – язык вывихнешь. А «тетя Цеца» – вообще смешно, такого имени даже и не бывает. И она не тетя, а дама…

– Лесь, ты дождешься…

– А что я сказал? – Лесь изобразил вежливое недоумение.

– Она – наше спасение. Я целый день на работе, дяди Симы неделями нет дома, а она… Смотри, сегодня ни свет ни заря уже отправилась на рынок.

– Вот и хорошо. А меня пусть не воспитывает… Каждый раз, как приду, она будто случайно мне поясницу щупает – не сырые ли плавки. «Лесик, ты опять купался без спросу? Я умру от беспокойства…»

– Потому что волнуется за тебя. Она тебя любит… И ты должен ее любить, раз вы с дядей Симой такие друзья. Она же его родная сестра!

– Ну, я и люблю… официально. – Лесь хитро сложил рот «восьмеркой»: один край нижней губы – вверх, другой – вниз, и верхняя губа – так же. – А имущество мое пусть она не трогает. У меня все разложено как надо, а она…

– Да она и не входит к тебе в комнату. Потому что отчаянно боится твоего желтого зверя.

Лесь растянул губы в улыбке:

– Вот и славно… Мам, а когда дядя Сима приедет?

– Не знаю, он обещал позвонить мне на почту… Зачем ты толкаешь носки в карманы? Не смей!

Но Лесь затолкал. Взял сандалии и похлопал их друг о дружку.

– Ну что ты за чудо-юдо непутевое, – жалобно сказала мама. – Почему до школы надо топать босиком?

– Берегу сандалеты. На одной уже подошва отстает.

– У тебя же есть почти новые кеды.

– А сандалии должны дожить до двадцать первого числа!

– Ты весь оброс приметами, как неграмотная бабка.

– Вовсе не как бабка! У меня к приметам научный подход… Ну, я пошел!

– А почему ты сегодня так рано?

– С Витькой поиграю подольше…

Лесь крутанулся на босой пятке, глянул на повернутый к солнцу отражатель и скрылся за калиткой.

Тропинка, что вела от калитки вниз, к Шлюпочному проезду, была похожа на пологую лесенку. Прыгала по отшлифованным подошвами камням.

На последней «ступеньке» Лесь через левое плечо оглянулся на дом – приземистый, причудливый, как бы составленный из нескольких белых кубов, с окнами разной величины.

Потом Лесь сбежал на ракушечный тротуар, уронил сандалии, сделал из кулаков «бинокль» и оглядел окрестности.

Это было его пространство, его земля, его мир…

Место, где стоял дом Леся, называлось Французская слободка. Давным-давно, во времена Первой осады, здесь располагался военный лагерь французов. На склонах балки, среди осыпей, до сих пор попадаются иногда иностранные пуговицы со скрещенными сигнальными рожками, с якорями не нашей формы и выпуклыми номерами полков и дивизий.

Целые улицы слободки тянулись по склону вдоль Древней балки, а крутые переулки-лестницы пересекали их.

Справа, на востоке, слободка примыкала к новому району с многоэтажными корпусами (солнце между ними светило уже горячее, без малиновых оттенков). Слева балка плавно переходила в просторные каменистые пустыри, на которых лежал Заповедник – остатки ужасно странного греческого города, где велись теперь раскопки. Среди заросших фундаментов и рассыпавшихся крепостных стен торчали одинокие мраморные колонны. Они были похожи издалека на воткнутые в серую траву сигареты.

За пространством Заповедника лежало очень синее море.

Раньше на западе был виден невысокий Казачий мыс, а на нем – решетчатая башенка с зеленым маячным фонарем. Это нижний знак Казачьего створа. (Верхний знак стоял высоко и далеко, на пологой верхушке горы Артура.) Мыс и маяк Лесь привык считать своими. Башенку с блестевшим изумрудным стеклом он раньше каждый день видел из окна – с тех пор, как помнил себя. Но этой весной между мысом и Заповедником выросло серое девятиэтажное здание. И закрыло створный маяк от Леся. Лесь был раздосадован так, словно кто-то нахально забрался в его собственный дом и заколотил окно. Один раз он даже уронил злую слезинку. И с тех пор на серый дом старался не смотреть.

Он и сейчас отвел глаза от этой дурацкой, бесцеремонно воткнувшейся в старинный берег новостройки. Подхватил сандалии и поскакал к лестнице – она вела вниз по склону балки.

В балке кучками рос мелкий орешник и всюду подымалась перепутанная овражная трава (у которой никто не знает названия). Где по колено, а где и по пояс. Она прятала под собой тропинки. В траве было множество колючек, но они ничего не могли поделать с прокаленной крепкой кожей мальчишки. В травяных зарослях еще не высохли росинки. Они чиркали Леся по ногам словно длинными

прохладными язычками. Но сверху трава высохла, и запах ее тоже был сухой – солнечный и горьковатый.

Одна тропинка вела вдоль каменного моста с тяжелыми арками. Это были остатки старинного водопровода, пересекавшего балку. (По нему и сейчас шла труба, одетая в деревянный кожух.) Лесь забрался на угловатую глыбу ракушечника, что лежала у каменной опоры. Сел на корточки, посвистел, позвал:

– Витька, Витька…

Из травы прыгнул крупный кузнечик лимонного цвета. Скакнул на камень, потом на лаково-коричневое колено Леся.

– Здравствуй, – заулыбался Лесь. – Как живешь?

Желтый кузнечик Витька, подскочил, опять сел на колено и прострекотал, что живет отлично.

– С зелеными не ссоришься?

Витька новым стрекотаньем сообщил, что живет с местными кузнечиками душа в душу.

– Никто тебя слопать не пробовал?

Витька пострекотал насмешливо: пускай, мол, только сунутся.

– Значит, зарядов у тебя хватает? Ну-ка… – Лесь поднес к Витькиной солнечной головке мизинец. – Ай! – Головка тут же стрельнула в палец крошечной молнией. Искра была чуть заметна, однако мизинец кольнула болезненно. Лесь взял палец в рот.

– Я же только спросил, а ты…

Витька стрекотал виновато: прости, не рассчитал маленько.

– А не забыл, чему я тебя учил? Давай-ка. Хоп…

Лесь отставил руку. Витька высоко подпрыгнул, сделал в воздухе сальто и приземлился Лесю на ладонь.

– Хоп!

Витька тем же способом вернулся на колено. Сел в горделивой позе, стрельнул глазками: ну как?

– Молодец! В будущем году, когда выведу много твоих братишек, устроим цирк солнечных кузнечиков.

Витька радостно попрыгал на колене.

– А пока не скучай… Хотел я тебе для компании Кузю принести, но он такой домосед. Поселился в старой сандалете и никуда из комнаты… А новичок вылупится еще не скоро…

Витька беззаботно потрещал опять. В том смысле, что вовсе он не скучает, у него тут среди местного населения множество друзей-приятелей.

– Ну и молодец. Тогда заряжайся на солнышке, а мне в школу пора.

Витька скакнул на камень, уселся попрочнее и широко развернул прозрачные, заискрившиеся крылышки – начал заряжаться. А Лесь по тропинке добрался до северного склона балки. И по каменному трапу стал подниматься к школе.

Невыносимый Вязников

Труба в деревянном кожухе, покинув каменный мост, проходила недалеко от школы. Метрах в двух над землей. Она опиралась на железные стойки. По нижнему краю кожуха сбоку тянулся широкий деревянный брус. На нем удобно было сидеть: привалишься спиной к обшивке и болтаешь ногами.

В одном месте водопровод нависал над тропой, что вела к калитке в школьной изгороди. Здесь у четвертого «Б» с давних пор было любимое место. Еще с того времени, когда он был первым «Б». В теплое время года народ всегда сидел там, дожидаясь звонка на уроки. Разговаривали, спорили, менялись вкладышами от заграничных жвачек и даже ухитрялись тут же, с тетрадками на коленях, скатывать друг у друга домашние задания.

Тем, кто подходил к школе со стороны балки, видны были из-под кожуха только болтающиеся ноги. Казалось издалека, что колышется коричневая бахрома. Внизу ее украшали разноцветные кроссовки, сандалетки и кеды. А сегодня бахрома была отделана еще и неровной белой оторочкой. По указанию Океаны Тарасовны четвертый «Б» надел белые носки и гольфы. Видимо, классная руководительница надеялась, что такая деталь костюма (вместе с белыми рубашками) придаст растрепанной, обжаренной солнцем вольнице хоть какую-то внешнюю благопристойность.

Не доходя до кожуха с полсотней качающихся ног, Лесь обулся. Потом прошелся по ногам одноклассников глазами: угадывал по башмакам, кто где. И с правого края увидел тощие «ходули» в черно-белых кроссовках. Это был, без сомнения, Вязников. И Лесь испытал примерно то же чувство, с каким недавно смотрел на серый дом. Он вспомнил, что сегодня седьмое сентября.

А может, Вязников забыл? Не то, что седьмое, а то, что он должен сделать.

Лесь взял левее, нырнул под кожух, пригнулся под чьими-то каблуками и без задержки зашагал к школе. Несколько голосов его окликнули, но Лесь не оглянулся: спешу, мол. Тогда позади застучали подошвы. Рядом оказалась Натка Мальченко – тощее хитрое существо с белобрысыми торчащими косами.

– Гулькин!.. Ой, то есть Лесь! Вязников хвастался, что на большой перемене опять напишет… то, что в прошлом году.

– Напишет – заработает, – самым беззаботным тоном отозвался Лесь. – Тоже, как в прошлом году…

Кто из них двоих «заработал» в тот раз больше, вопрос был спорный. И чем кончится нынче, тоже неясно. Лесь, однако, боялся не драки и синяков. Угнетала сама неизбежность скандала. И еще – то, что скандала этого ожидал весь класс.

Интерес был сдержанный, деликатный такой, потому что и к Носову и к Вязникову относились одинаково хорошо. Но стычки все-таки ждали – как ждут результата увлекательного матча.

Лесь томился этим ожиданием, ловил на себе взгляды, но делал вид, что ему совершенно все равно. Он даже ухитрился получить пятерку на уроке географии.

В классе было прохладно. Старые акации укрывали окна от солнца. Пятерка приподняла настроение Леся. На Вязникова он принципиально не смотрел. Тот на Леся – тоже. И на третьем уроке Лесю стало казаться, что, может быть, все обойдется.

Но в начале шумной двадцатиминутной перемены все та же Натка с белыми тощими косами подскочила к Лесю в коридоре.

– Лесь! Он нарисовал и написал! Пойдем…

– Пойдем, – вздохнул Лесь. Потому, что от судьбы не спрячешься.

В дальнем углу горячего от солнца двора ярко белел школьный гараж – сложенный из брусьев известняка и похожий на маленькую крепость. Там толпился весь четвертый «Б». Когда Лесь подошел, все расступились со значительными лицами.

На известняке вверх от земли была проведена углем черта. Высотой в мальчишечий рост. Ее, как мерную линейку, украшали деления. Рядом с этой линейкой была изображена лопоухая фигура с ногами-лучинками, волосами-спичками и (самое подлое!) длиннющим носом, какого у Леся никогда не было. Но рисунок изображал именно четвероклассника Носова! Потому что сверху шла крупная черная надпись: «Ура! Гулькин Нос опять подрос!»

Народ смотрел на Леся. Понимающе и выжидательно молчал.

…Первый раз такое дело случилось три года назад. Сперва стройненький большеглазый первоклассник Вязников даже понравился Лесю, и он простодушно подумал, что хорошо бы им подружиться. Казалось Лесю, что и

Вязников поглядывает на него с благожелательным интересом.

Но однажды во дворе, когда гоняли по ракушечным плитам мячик, никто не захотел вставать в ворота, и авторитетный Артур Глухов распорядился:

– Пусть Нос встает. Он самый маленький, маленькому легче прыгать между штангами.

Утверждение, что он самый маленький, было неточным. Это во-первых. А во-вторых, Лесь обиделся:

– Ты чего обзываешься!

– Как? – удивился Глухов.

– Носом!

– А чего такого? Раз фамилия у тебя… Меня Глухарем зовут, я же не злюсь. Нос – это разве плохо? Не хвост ведь и… ничто другое.

Может, на том бы и порешили. Но тут-то и сунулся Вязников. Махая длинными ресницами, он сообщил:

– Надо говорить не «Нос», а «Гулькин Нос». Потому что от горшка два вершка.

Маленький – это ведь не значит боязливее всех.

– Вот как тресну по кумполу! Думаешь, если длинный, значит, умнее других?!

Вязников заулыбался, отошел и сказал издалека:

– Сперва подрасти… Скоро ли из Гулькина Носа превратишься в Большой Нос, как у Буратино?

В тот же день Вязников на гараже нарисовал мерную черту, лопоухого маленького Носова и написал крупными буквами: «Гулькин Нос расти до звезд».

Грамотно написал, только запятую перед обращением и восклицательный знак не поставил, потому что знаки препинания тогда еще не проходили.

После этого Носов и Вязников подрались. И водили их в учительскую. И там воспитывали. И грузная (и вроде бы грозная) директорша Нина Владимировна сказала, что больше виноват все-таки Вязников: это ведь он сделал глупый и обидный рисунок. Пусть он пообещает больше так не поступать.

Вязников уже тогда, в первом классе, был ехиден и (надо признать) смел. Он объяснил, что не обижает Носова, а заботится, чтобы тот рос поскорее. И каждый год седьмого сентября он будет на гараже отмечать, насколько Носов вытянулся.

Нина Владимировна покусала губы и предупредила, что если такое повторится, Вязникову придется плохо. У него вызовут родителей, и те, конечно, всыплют милому сыну по первое число. Вязников гордо возразил, что ему никогда не всыплют. Нина Владимировна сказала, что жаль. И велела ему и Носову идти на уроки. Решила, что до следующего сентября все забудется.

В классе Лесь и Вязников подрались еще раз, но уже чуть-чуть, потому что Глухарь их растащил.

Вязников, смеясь красивыми глазами, сообщил, что все равно каждый сентябрь будет отмечать, как Гулькин Нос подрос.

– Только попробуй, – сказал Лесь.

Вязников сказал, что через год обязательно попробует. Мало того, он разъяснил первоклассникам, что «гулька» – это означает «шишка» или «волдырь». И сослался на знаменитый словарь русского ученого Доля. Папа у Вязникова был профессор.

У Леся папы не было, но был дядя Сима. Он и мама недавно поженились. Дядя Сима работал не профессором, а наладчиком электронных систем на морских судах, толковых словарей у него не водилось. Но от деда в доме осталось много самых разных старых книг, и среди них (вот совпадение!) – тоже словарь Даля! В четырех томах! Лесь открыл первый том, на букве «Г» отыскал слово «Гулька» и с горечью убедился, что Вязников прав.

Волдырь – штука мелкая. Значит, нос у волдыря (если он имеется) – вовсе малютка. Обидно вдвойне. Единственное, что мог сделать Лесь, это на следующий день сказать Вязникову:

– Если гулькин нос – крошечный, зачем ты нарисовал меня с таким длинным? Сам не соображаешь своими профессорскими мозгами, что делаешь.

– Соображаю. Это для выразительности, – ответил находчивый и образованный Вязников и опять заулыбался.

Если бы Вязников улыбался по другому поводу, он мог бы даже показаться симпатичным. Но сейчас Лесь отошел и пообещал себе, что никогда не будет разговаривать с Вязниковым. И не будет иметь с ним никаких дел.

Так оно и тянулось целый год. Плохо только, что прозвище Гулькин Нос прилипло к Лесю. Потом оно, правда, превратилось просто в «Гулькина», и от этого было уже никуда не деться. Получилось, что вроде еще одна фамилия. Многие потом и забыли, почему Лесь Носов – Гулькин. Однако сам Лесь не забыл и Вязникову не простил.

Не забыл и сам Вязников. На следующий год, тоже седьмого сентября, он выполнил обещание: снова изобразил на гараже Леся и сделал надпись: «Гулькин Нос чуть-чуть подрос».

Опять пришлось драться: надо было защищать свой авторитет. Растащили их быстро, и снова был разбор в учительской.

И в третьем классе – та же история.

Весь учебный год потом Лесь и Вязников опять будто не замечали друг друга, лишь иногда поглядывали молча. Но о своем обещании коварный Вязников помнил твердо. Вот и сегодня…

Боже мой, неужели так и жить до десятого класса?

Вязников стоял с выжидательной улыбкой и трогал у ворота черный бантик-бабочку. Да-да, он пришел с бабочкой, как просила Океана Тарасовна. Кроме

него только еще один из мальчишек надел черный галстучек – тихий и всегда послушный Валерик Греев. Да и то у Валерика была не бабочка, а обычный галстук, переделанный из офицерского, военно-морского.

А гибкий улыбчивый Вязников со своей аккуратной прической и бантиком был похож на официанта. Об этом Лесь подумал с некоторым удовольствием. Но мельком. Надо было делать дело. Желая все решить поскорее, Лесь нагнулся, выставил над головой два кулака и без слов ринулся на Вязникова – чтобы макушкой стукнуть его в пузо, а кулаками (если повезет) поставить синяки под каждым глазом. Кое-что удалось – за счет стремительности. Но и Вязников успел взмахом снизу вверх зацепить нос Гулькина. И когда Лесь выпрямился и помотал головой, жалостливая Любка Ткачук сказала:

– Ой, Лесь, у тебя капает…

На белую рубашку падали из носа красные градины.

«А ничуть не больно», – молча удивился Лесь. Взглянул на Вязникова. Тот морщился и прижимал руки к животу. «Сам виноват», – подумал Лесь без особом радости, но с некоторым удовлетворением. И подумал еще: «А как в такой рубашке на урок-то?»

Тут его и Вязникова взяли за плечи крепкие ладони Виктора Максимовича, учителя географии, который сегодня поставил Лесю пятерку за хорошее знание карты. Сейчас Виктор Максимович был дежурный педагог.

– Поединок окончен? Прошу господ дуэлянтов в учительскую.

– У него капает, – опять сказала Люба Ткачук. Остальные сочувственно дышали вокруг.

– Что?.. Ах, да. Ну-ка, намочите мой платок.

Сбегали, намочили. Дали Лесю. И он пошел в учительскую, прижимая к носу влажную ткань.

Потом он минут пять посидел в прохладной учительской – с запрокинутой головой и платком на лице. Это было даже приятно.

– Ну что, Носов, – сказала наконец Нина Владимировна. – Все еще капает?

– Кажется, нет… – Лесь встал и посопел.

– Очень хорошо… Ну, что же теперь с тобой делать?

– В каком смысле? – сказал Лесь.

Виктор Максимович хмыкнул. Оксана Тарасовна тихонько застонала. Две молоденькие учительницы – музыки и рисования – весело переглянулись.

– А в том смысле, Носов, – охотно разъяснила директор, – что ты устроил драку, грубо нарушил дисциплину и теперь я вынуждена принять решительные меры.

– Зачем? – спросил Лесь, посопев (нос, кажется, припух).

– Затем, чтобы впредь такие безобразия не повторялись.

– Пускай не рисует, не будет и повторений, – ответствовал Лесь, ощущая полную правоту.

– Вязников, конечно, тоже виноват, – вмешалась Оксана Тарасовна. – Однако начал ты! Зачем выяснять отношения кулаками?

Лесь посопел опять и разъяснил:

– Я, собственно, головой…

– Головой ты ему попал в корпус, – уточнил Виктор Максимович. – А синяк под его глазом – несомненный след кулака.

– Да? – с интересом откликнулся Лесь. – А где он?

– Я же говорю: под глазом.

– Вязников где? Отчего со мной с одним разбираются?

– А оттого, голубчик, что твой… соперник направлен стирать со стены свое художество, – сообщила Нина Владимировна. – Не волнуйся, отвечать будете оба по справедливости.

– Это совершенно бессмысленно, – сказал Лесь с некоторым сочувствием к Вязникову. – Уголь от белой стенки не оттереть, придется закрашивать.

– С этим мы разберемся, – добавила строгости директорша. – Ты лучше скажи: с тобой что делать?

– Что хотите, – откликнулся Лесь со спокойствием плененного героя, который успел совершить задуманный подвиг.

– Чего уж тут делать-то, – заметил Виктор Максимович. – И так собственным носом поплатился человек. Можно сказать, искупил кровью.

«Музыкантша» и «художница» хихикнули и опасливо глянули на директоршу. Будто школьницы. Оксана Тарасовна (тоже еще молодая, но более опытная) сказала опять со стоном:

– Но как он будет сидеть на открытом уроке? Там мои коллеги из пединститута, речь пойдет об эстетическом воспитании, а он в таком виде…

Лесь опасливо тронул нос:

– Очень распух?

– В порядке твой нос! Но рубашка!

Лесь вспомнил, глянул себе на грудь. Мамочка! Десяток бурых пятен.

– Да-а… – тихонько вздохнул он.

– Вот тебе и да! Марш домой и переоденься. На этот урок не попадешь, но хотя бы придешь на пятый, на музыку.

Лесь бросил взгляд на «музыкантшу»:

– Я, наверно, не успею.

– Значит, будешь прогуливать да завтра. По собственной вине, – сообщила Оксана Тарасовна.

– А завтра воскресенье.

– Ты надо мной издеваешься, да?

– Отнюдь, – сказал Лесь.

– Брысь отсюда, – печально велела Оксана Тарасовна.

– Виктор Максимович, платок я выстираю и в понедельник принесу, – с достоинством проговорил Лесь.

– Буду весьма признателен.

– До свидания. – И, трогая нос, Лесь покинул учительскую.

– Вот сокровище растет, – сказала ему вслед утомленная педагогическими заботами Нина Владимировна. – Господи, скоро ли на пенсию?

– Он знаете на кого похож? – весело вмешалась «музыкантша». – На маленького бродягу-скрипача из фильма «Солнце Неаполя». Есть там такой персонаж, дитя итальянских улиц.

– Не итальянских улиц, а здешней окраины, – проворчала Нина Владимировна. – И не скрипач, а хулиган. Сорванец из Французской слободки…

– Ну, не скажите, – возразил Виктор Максимович. – Иногда сквозь сорванца проглядывает этакий… лицеист. Возьмите его эти «отчего» вместо «почему» или «отнюдь» и так далее… Кстати, дед его был знаменитый местный краевед и умелец, очень образованный человек…

– Все они образованные, – не сдалась директор, – только сладу нет. Этот Вязников – вообще профессорский сын, а что себе позволяет! Зачем он изводит Носова? Бессовестный…

– Совершенно бессовестный, – грустно согласилась Оксана Тарасовна. – Зарезал меня без ножа. Его ведь теперь тоже нельзя на урок пускать с таким синячищем! А я так на этого Вязникова надеялась. Он и отвечает всегда прекрасно, и один из всех с бабочкой пришел… Ой, Нина Владимировна, я побежала, гости уже в классе, наверное…

– Ни пуха ни пера… Знаю, знаю, куда идти… А с этим Носовым вы все-таки еще побеседуйте после пятого урока.

– Думаете, он сегодня вернется в школу? Наверняка усвистал на берег и будет купаться до обеда. Смывать горести и заботы. Ох, до чего я ему завидую…

Лейденская банка

Оксана Тарасовна была, конечно, права, домой Лесь не пошел. Он заскочил в класс, ухватил ранец и отправился к морю. Неожиданный подарок судьбы – два часа свободы – очень улучшили его настроение.

Еще больше настроение повысилось, когда в гуще сухого бурьяна Лесь нашел желтый флажок с черным кругом.

Потом Лесь побеседовал с незнакомой девочкой, но почти сразу о ней забыл. Пошел по берегу и сквозь пролом в стене пробрался на территорию Заповедника.

Здесь был тот же берег, то же море, но мир был другим. От него веяло древностью. Лесь ощущал это не только душой, но и каждой клеточкой кожи – так же, как солнечное тепло и мохнатое касание морского ветерка. Запах сладковато-горьких трав и нагретых камней тоже был запахом тысячелетней старины. Камни были остатками храмов и крепостных башен.

Лесь доверчиво растворялся в окружающей его ласковой древности. И этому чувству не мешали даже пестрые группы туристов, которые бродили среди развалин в сопровождении энергичных тетенек с мегафонами. Впрочем, туристов было немного. И к тому же Лесь знал, чувствовал, что за невидимой, но близкой гранью лежат совсем пустые Безлюдные пространства…

Лесь миновал остатки базилики с редкими колоннами из пыльно-белого мрамора. Здесь берег стал ниже, обрыв превратился в отдельные скалы, которые теперь стояли поодаль от моря. А у самой воды тянулась полоса галечника, густо заваленная желтыми, обкатанными прибоем глыбами.

На галечнике было немало купальщиков-загоральщиков и аквалангистов – несмотря на прибитое к столбу объявление, что купаться и нырять в водах Заповедника совершенно категорически запрещено и наказывается такое безобразие штрафом.

Лесь с удовольствием ступал босыми ногами по гладким голышам и пористым валунам. Поглядывал на тех, кто нежился на этом нелегальном пляже.

Два бородатых парня и девушка разложили на пестром платке всякую снедь: помидоры, копченую скумбрию, арбуз, батон. Парни, капая на бороды и блестя очками, по очереди пили пиво из блестящей заграничной банки. Лесь пригляделся. Заволновался.

Он подошел, встал на шатком камне, покачался с вежливо-выжидательным видом. На него посмотрели. Девушка была симпатичная. Парни – тоже. Этакие молодые люди «научного» вида. Лесь наклонил к плечу голову:

– Скажите, пожалуйста. Когда вы допьете пиво, банка будет вам еще нужна? Или нет?

– А тебе зачем? Для коллекции? – понимающе спросил парень, чья борода была с рыжим отливом.

А девушка сморщила облупленный носик:

– Это противно, когда дети собирают пивные банки.

– Мне не для коллекции. – Лесь давно уже знал, что отсутствие хитрости (если только без нее можно обойтись) очень помогает в общении с людьми. – Для научного опыта. Хочу сделать энергонакопитель.

– Что-что? – это уже все трое, с веселым любопытством.

Лесь терпеливо объяснил:

– Накопитель энергии. Вы, может быть, слышали, что бывают такие особые банки, называются «лейденские». В них можно накапливать электричество. А здесь вот тоже написано: «Город Лейден». Я такую давно ищу… – Лесь присел на корточки, пальцем коснулся золотистой жести.

Парни и девушка переглянулись. Рыжеватый хохотнул, но поперхнулся и объяснил с излишней серьезностью:

– В твоих словах немало логики. Но, видишь ли, «лейденская банка» кое-чем отличается от пивной. Это прообраз нынешних конденсаторов, в ней особое устройство и…

– Я знаю! Но ведь и ваша банка – лейденская. Из Лейдена! Название тоже кое-что значит!

Они опять переглянулись, покусали губы. Парень с бородкой цвета пакли сказал девушке:

– Светочка, это проблема для тебя, ты филолог… – Потом повернулся к Лесю: – Ты, видимо, исходишь из евангельской формулы «В начале было слово»?

– В известной степени, – согласился Лесь.

– Гм… И ты уверен, что с помощью слова можно изменить суть предмета? То есть одну вещь превратить в другую?

– В известной степени…

Девушка села прямо, поправила голубенький мини-купальник и прошептала:

– Уникальный ребенок.

Тот, что с бородкой-паклей, воздвигнул на лоб очки.

– Следовательно, юноша, вы утверждаете, что если мы этот участок суши, на котором находимся, назовем Берегом Слоновой Кости, то можем оказаться в Африке?

– В известной степени, – ввернул рыжеватый, но опять поперхнулся. Под взглядом Светочки.

Лесь вполне убежденно объяснил:

– В каких-то случаях может случиться и это…

Светочка отобрала у рыжеватого банку, вытряхнула в себя остатки пива и протянула посуду Лесю. Он сказал искренне:

– Большое вам спасибо.

– Пожалуйста… А зачем у тебя нитка на пальце?

– Для колдовства. Это особая нитка… Кстати, вы не знаете, как называется этот палец? Вот этот – большой, этот – средний, а вот этот?

– М-м-мм… – сказала девушка и глянула на парней.

Те зачесали бороды.

– Эх вы, бакалавры, – укорила их Светочка. – Один ребенок за минуту озадачил вас массой проблем.

– Мы глубоко осознаём свое невежество, – покаялся рыжеватый.

А его приятель спросил серьезно:

– Энергонакопитель, надеюсь, послужит добрым делам?

– Да. Для других он не приспособлен.

После этого Лесь еще раз сказал «спасибо» и опять зашагал по камням. Шел неторопливо и успел услышать обрывок разговора: «Любопытное дитя. И взгляд какой-то особый…» – это Светочка. «А ну-ка, скажем хором: „Здесь Берег Слоновой Кости“… – это рыжеватый. „Ты с ума сошел! Там жара и пустыня!“ – это опять девушка. Она, без сомнения, самая умная из троих.

А банка была замечательная! Золотистая, с рыцарским замком, с узорчатыми буквами, которые называются «готические». С маленьким словом «Leiden» у ободка. Та самая, нужная!

Лесь даже испытал что-то вроде благодарности к Вязникову. Из-за него ведь его, Леся, отправили с уроков. Не случись этого, не было бы и банки!

Посреди каменистой, окруженной зарослями дрока площадки подымалась мраморная колонна. Невысокая, с темными прожилками, с квадратной капителью, на которой угадывался выпуклый крест. Когда-то она вместе с другими колоннами подпирала церковный свод, а сейчас одиноко стояла на остатках фундамента.

Чтобы не было колонне так одиноко, студенты-археологи придумали для нее работу. Из оранжевых черепков от старинных горшков и амфор они выложили большой круг и цифры – получились солнечные часы, и тень от колонны стала стрелкой.

Лесь успел вовремя. Тень правым краем почти подобралась к двенадцати. Еще самую чуточку… Лесь дождался и глянул вдоль темной полосы – на число «12», а потом дальше. Впереди поднимался двухметровый каменный гребень – остатки стены внутренней цитадели. К нему были привалены плиты известняка. Между известняком и каменной кладкой – никакого просвета. Но никакого – это если просто так смотреть. А если точно в полдень, видна между плитой и стеной черная щель. Такая, чтобы как раз протиснуться мальчишке. Главное – успеть.

Лесь промчался через солнечный циферблат и, цепляясь ранцем, толкнул себя в тесное пространство.

Он обнаружил этот проход еще в июне. И понял, что сделал настоящее открытие. Правда, загадку прохода Лесь до конца не разгадал до сих пор, ну да ладно! Главное, что проход есть. И что он ведет в его, Леся, бухту.

С минуту Лесь шагал, касаясь локтями и ранцем высоких стен, от которых веяло нездешней прохладой. Солнце сюда не проникало. Высоко вверху, в щели, небо синело чисто и резко. Камни порой загромождали тропинку. Потом тропинка превратилась в узкую, с неровными ступенями лестницу. Она делала резкие повороты. И наконец вывела на крошечный галечный пляж.

Здесь было совершенно пусто. Крутые зубчатые скалы обступали пляж, вдавались с двух сторон в море и образовывали очень маленькую, зажатую в обрывах бухту.

Лесь называл ее «Бухта, О Которой Никто Не Знает».

Одиночество ничуть не пугало. Лесь ощущал радостную свободу. Это был его собственный мир. Ни один человек не мог сюда попасть, Лесь давно в этом убедился.

Солнце почти отвесно светило сквозь нависшие скальные зубцы, нагревало гальку и камни. Среди беспорядочных каменных обломков лежала чуть наклонная ровная глыба – настоящий лежак шириною метра полтора. Теплый, как печь.

Лесь посидел на глыбе, отдыхая, улыбнулся своей бухте, своему морю, которое виднелось среди скал и тоже было пустым – до горизонта.

Посидев, он вошел по колено в море, набрал воды в «лейденскую» банку, прополоскал ее. Это чтобы лучу, пойманному в накопитель, не было противно от пивного запаха.

Затем Лесь сбросил с себя все, что еще на нем было, – никто же не видит. Забрался на камень, обмываемый мелкой волной. И бултыхнулся в воду, ушел в нее с головой.

Он безбоязненно отдался ласковому морю. Оно качало его в зеленоватой глубине, щекотало солеными мурашками.

Лесь поныряла с открытыми глазами. Раздвинул груду водорослей и пугнул обросшего ракушками краба-великана. Погнался за стайкой крошечных ставрид. Осторожно тронул мягкую макушку медузы. Посмотрел сквозь волнистую поверхность на солнце. Оно – жидкое, сверкающее – качалось на волнах, растекалось.

Лесь всплыл, тоже закачался на волнах, лежа на спине.

Непрошеная гостья

Наконец, Лесь ощутил озноб – сигнал, что пора вылезать из воды. И решил окунуться напоследок. Подождал волну, ушел под нее головой, сделал в глубине кульбит, встал на камни по грудь в воде, обернулся к берегу… И буквально обалдел.

На берегу стояла девочка.

Та самая, с которой он недавно спорил о сигнальном флаге. В красных гольфах, в коричневом платьице с черным передником. Круглолицая, с темными кудряшками, перехваченными красной пластмассовой скобкой. С малиновым ранцем за плечами. Она стояла неподвижно, скованно как-то, и смотрела на Леся.

Звонким от возмущения голосом Лесь крикнул:

– Чего тебе здесь надо?

Она склонила к плечу голову и сказала независимо:

– Как чего? Где хочу, там гуляю.

Лесь мигом ощутил, что независимость эта напускная и девчонка побаивается. Но не смягчился. Потому что был в дурацком положении. Потребовал:

– Иди отсюда.

И тут же понял, что идти ей теперь некуда.

Девчонка сделала еще более независимое лицо:

– Чего ты раскомандовался? Ты хозяин тут, что ли?

– Конечно, хозяин, – сказал он убежденно.

В этот миг поднялась сзади волна, залила Леся до ушей. Чтобы устоять, он вцепился в края глубокой впадины на скале, что была рядом. Вода отошла и открыла Леся по пояс. Еще бы чуть-чуть, и…

– Отвернись, – хмуро велел он. – Мне надо выходить.

– Ну и выходи. Разве я тебя держу?

Видимо, она не понимала. Наверно, пробралась сюда, когда он был уже в воде. И что на песке валяется вся-вся его одежда, она не заметила.

А может, все поняла и решила его подразнить?

Волна опять залила Лесю уши и отошла.

– Русским языком объясняю тебе, дура: отвернись!

Лесь понимал, что очередная волна может откатиться дальше других. И тогда что? Съежиться в нелепой позе на корточках или трусливо сигать в глубину?

Девчонка не двигалась, а лицо ее, кажется, стало насмешливым.

Ах, так?.. В конце концов Лесь и правда был здесь хозяин. Все равно что дома. Больно ему надо дрожать из-за глупой девчонки! Думает, что испугался, да?

Лесь дождался, когда волна подтолкнула его в спину, и прыгнул на длинный выступ скалы. И, ловкий, независимый, пошел по выступу к берегу. Глядя прямо на незваную гостью.

Она мигнула, отвернулась:

– Вот дурак…

– Сама… – отозвался Лесь. Подошел к брошенной на песок одежде, натянул плавки. Все это с подчеркнутой неторопливостью, потому что вести себя иначе было бы теперь глупо. Прошагал к нагретому каменному лежаку и с удовольствием растянулся на нем. Ощутил, как солнце навалилось на озябшее тело мягким жаром.

Девочка мельком, боязливо оглянулась. Заметила, что из-за камня видны теперь только плечи и мокрая голова, и тогда глянула смелее. Повернулась.

С полминуты они смотрели друг на друга. Лесь – насмешливо, девочка – пряча за сердитостью смущение и виноватость. Она ковырнула сандалеткой песок.

– Ты какой-то… совершенно нахальный…

– Да? А по-моему, это ты нахальная. И шпионка.

– Я?! Шпионка?! Как тебе не стыдно!

– А тебе не стыдно? Увязалась за мной, выследила… Иначе как бы ты сюда попала?

– Да я это место давным-давно знаю! Тыщу раз тут была.

– Эту бухту не знает никто, кроме меня, – объяснил Лесь уже несердито. – Ты же видишь, тут лишь мы с тобой. Ты пробралась сюда следом, в ту же минуту, что и я. А одна ни за что не нашла бы дорогу.

Девочка сказала неуверенно:

– Вот и неправда. Я знаю дорогу.

– Если знаешь – выберись отсюда без меня, – добродушно посоветовал Лесь.

– Ну и пожалуйста! – Она дернула спиной с малиновым ранцем. Пошла к ступенькам у щели-выхода. Проходя мимо Леся, демонстративно отвернулась, хотя сейчас это было уже ни к чему. Поднялась на каменное «крылечко», исчезла в щели.

Лесь быстро сел, обнял коленки и стал ждать со снисходительным интересом. Вместо прохода с крутой тропинкой девчонка скоро увидит сомкнувшиеся скалы – словно каменный великан свел вместе ладони. И никуда не денется, вернется.

Так и случилось. Девчонка опять появилась на ступенях. Растерянная и насупленная. Ушла на прежнее место. Оглянулась на Леся, который вновь улёгся на камень животом.

– Ну как? – спросил он с капелькой торжества.

Она потупилась и вполголоса сказала:

– Ты колдун, что ли?

Лесь без хитрости объяснил:

– Здесь мое колдовство ни при чем. Это место такое.

– И никак теперь не выбраться?

– Без меня никак, – усмехнулся Лесь.

– А ты… меня выведешь?

– Вот смешная, – сказал он как маленькой. – Брошу, что ли? На съедение крабам?

– Тогда хорошо… А. скоро пойдем? Мне домой надо.

– Вот погреюсь еще минут пять, потом окунусь напоследок, обсохну, и тогда уж…

Девочка покладисто кивнула:

– Купайся, я подожду.

Она села на корточки, стала из ладони в ладонь пересыпать мелкую гальку.

– Носов…

– Что?

– Ты не думай, я никому не скажу про это место.

Он засмеялся:

– Да говори кому хочешь. Без меня его все равно никто не найдет. А я теперь буду ходить с оглядкой.

– Ты не бойся, я за тобой больше сладить не стану, – сказала она еле слышно.

Лесь промолчал. Не знал, как ответить, чтобы не обидно. А обижать бестолковую девчонку почему-то не хотелось.

Она опять перебросила камешки из ладони в ладонь:

– А здесь правда никто-никто не может появиться?

– Я же сказал.

– Тогда понятно… – Она чуть улыбнулась.

– Что тебе понятно?

– Почему ты так храбро тут купаешься… без ничего…

Лесь понял, что ей все еще неловко. И сам опять малость смутился. И сердито объяснил:

– Я купаюсь так, потому что как раз боюсь.

– Чего?

– Если дома заметят, что плавки влажные, сразу воспитание: «Ах, ты снова бегал на пляж после уроков! Без спросу!»

Девочка посмотрела веселее, чем прежде.

– В точности как у меня! Мне тоже не велят без спросу! А начнешь отпрашиваться – сразу охи да ахи! «Нельзя одной, утонешь, захлебнешься!» А иногда так хочется окунуться… Тебе хорошо, такое тайное место…

– Ну, так пользуйся случаем, – великодушно сказал Лесь. – Сейчас-то ты не одна к тому же. Совесть твоя будет чиста…

Девочка поежилась:

– У меня купальника нет…

– Пфы! Ты же еще плоская, как сушеная тарань, – от души успокоил ее Лесь. – В твоем возрасте девчонки сплошь в одних плавках купаются, как пацаны.

Лесь думал, она рассердится хотя бы для вида. Но девочка отозвалась все так же нерешительно:

– Ничего подобного. Нам в бассейне всем всегда велят в купальниках…

– Здесь же не бассейн, воспитательниц нету. А я смотреть на тебя не буду, не бойся…

– Подумаешь, – сказала она с жалобной храбростью. – Я и не боюсь.

Конечно, Гайка соврала, на самом деле она боялась. Однако искупаться хотелось ей отчаянно: изжарилась она в своем шерстяном платье с глухим воротником. Но не только в этом дело. Была еще вина перед Носовым.

Если бы Гайка сразу поняла, почему он тогда, из воды, кричал ей «отвернись», она бы не только отвернулась, а глаза бы зажмурила и уши заткнула. Но у нее в ту минуту словно заскок в мозгах случился: смотрит и ничего не понимает. Да еще глупое упрямство взыграло! Теперь, когда все так получилось, Гайка терзалась в душе. Дура бессовестная! Называется, подружилась с человеком!

Как же теперь оправдаться перед Носовым?

Может, если она сейчас послушается его, искупается, он перестанет на нее обижаться. Ведь она докажет, что доверилась ему полностью. И получится, что между ними есть уже какая-то ниточка. («Желтая нитка», – мелькнуло у нее…) И тогда, значит, эта бухта вроде бы и ее, Гайкина, тоже. Немножко…

Конечно, так рассудительно Гайка не думала (мысли прыгали и были отрывочными), но чувствовала именно это.

– Ты только все-таки отвернись, ладно?

– Пожалуйста.

Гайка зашла за камень, скрывший ее по пояс. Покосилась на Носова. Тот лежал головой на согнутом локте, будто спал! Гайка присела, торопливо стянула с себя все, кроме красных мальчишечьих плавок, опять глянула на дремлющего Носова. Видна была только белая лохматая макушка. Гайка вдруг совершенно неожиданно для себя показала этой макушке язык. Тут же испугалась и неловко добежала по твердым голышам до воды. Опасливо, но торопливо стала входить в нее, держась за выступ скалы.

Она погрузилась по пояс, почти перестала бояться и тихонько взвизгнула от радостной прохлады, когда волна подкатила до груди. И тут услыхала:

– Часы-то сними, растяпа.

Носов, приподнявшись, глядел с камня.

– Ой!.. – Часики тикали на запястье. Но Гайка испугалась не за них. – Обещал, что не будешь смотреть!

– Во-первых, я случайно. Во-вторых, ты уже в воде. А если бы я не заметил, прощай часики. Вот тогда уж точно досталось бы тебе дома.

Да, это он правильно.

– Иди сними… – И он опять лег головой на локоть.

Гайка вдруг рассердилась на себя и на свой глупый страх. Решительно вылезла из воды и положила часики на камень. И вернулась к нестрашным пологим волнам.

Эти волны приняли Гайку, качнули, сняли с донных камней. Она взвизгнула опять, забултыхалась. Но она не боялась. В такой ласковой воде невозможно было утонуть. Гайка окунулась с головой, совсем уже позабыв про смущение и про Носова. Потом нащупала камни ступнями и встала, держась за скальный уступ. Глубина была по грудь. А порой волна подкатывала под самый подбородок, плескала в глаза и уши. Гайка смеялась, подпрыгивала… И вдруг

левой ступней не попала на камень.

Нога угодила в щель.

Гайка дернула ногу. Каменный капкан держал ее.

Сперва Гайка не испугалась. Дернула сильнее. Ой, больно…

Гайка вспомнила про тропического моллюска-великана, о котором рассказывал папа. Называется тридакна. Если в раковину попадает нога или рука купальщика, створки сжимаются, и… Сила у тридакны громадная, вес чуть не полтонны. А тут наступает прилив, вот вода уже у самого рта…

И, словно все это по правде, – коварная тридакна и прилив – накатившая волна плеснула Гайке горечью в рот. «Мама!» – хотела крикнуть Гайка, но закашлялась. А новый горько-соленый накат укрыл ее с головой. Когда волна отошла, Гайка была уже чуть не без памяти от страха. Забила по воде руками, беспомощно рванулась и сквозь ужас и кашель закричала отчаянно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/krapivin_vladislav/dyrchataya-luna

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити